

ЛЕОНИД ПЫЛАЕВ

КОРТИНА

Д'АМПЕЦЦО

(РОДИНА-ЛИ ЖДЕТ НАС?)

Мюнхен

1956

ЛЕОНИД ПЫЛАЕВ

КОРТИНА

Д'АМПЕЦЦО

(РОДИНА - ЛИ ЖДЕТ НАС?)

М ю н х е н

1956

2-го февраля 1956 года радиостанция Михайловского Комитета За ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ передавала репортаж из КИЕВА. В эфире звучали призывы к политическим эмигрантам о возвращении на Родину. В этот день звали на Родину и меня. В обращении ко мне говорилось, что пропагандная работа, которой я занимаюсь за границей, не является препятствием для отъезда в родные края.

Об этом обращении ко мне я узнал только седьмого февраля, так как был в отъезде.

24-го января я, по поручению редакции радиостанции ОСВОБОЖДЕНИЕ, выехал в Кортина д'Ампеццо, в Италию, где в этом году происходили седьмые зимние олимпийские игры.

Уезжая в Италию, я рассчитывал увидеть интересную спортивную борьбу, в которой участвовали 32 нации, думал увидеть своих соотечественников-советских спортсменов. Мне также очень хотелось встретить прославленную тройку наших хоккеистов — Боброва, Шувалова, Бабича. Одним словом, мне очень многое хотелось увидеть! Но я даже подумать не мог, что увижу в Кортина Д'Ампеццо руку генерала Михайлова...

На этот раз из Советского Союза прибыли не только спортсмены и тренеры, но много советских журналистов. Их там было гораздо больше, чем спортивных издательств... Многие из них даже ни разу не воспользовались своими карандашами и фотоаппаратами для спортивных заметок и снимков. Они, видимо, приехали с другой целью. Большинство из них, мне

кажется, получили удостоверения журналистов вместо мандатов сотрудников МВД. Но об этом позже. На этот раз, впервые в истории заграничных поездок, советских спортсменов сопровождали собственные болельщики — советские туристы, приехавшие в организованном порядке прямым путем из Москвы. Когда один из моих коллег, разговорившись с таким болельщиком, сказал ему, что приезд на соревнования советских туристов произвело за границей сенсацию, то получил в ответ: «А вы думаете, что для нас это была не сенсация?..»

26-го января состоялось торжественное открытие седьмых зимних олимпийских игр. В этот же день состоялось мое знакомство с новой, послесталинской «родиной». Должен сказать, что до этого мне пришлось побывать на международных соревнованиях штангистов, которое происходило в Мюнхене, на розыгрыше первенства Европы по боксу в Берлине. Но нигде я не получил такого яркого впечатления о том, что творится на родине.

Принято говорить, что глаза — это окно души. Я бы, на основе опыта, создал новую поговорку. Примерно такую: Советские граждане за границей — это открытая форточка в хрущевский рай, через которую веет дыхание родины. Через нее видны живые люди, их заботы, радости, горе. Одним словом, только наблюдая, только слушая отрывки слов, фраз уже можно создать яркую и точную картину того, что происходит на Родине. Эта форточка открылась для меня в день открытия седьмых олимпийских игр.

Кортин Д'Ампеццо — городок очень маленький. В нем всего 6000 жителей. В течение пяти минут можно пройти его от начала до конца. В день открытия главную улицу огородили маленьким заборчиком для того, чтобы зрители не мешали проходу колонн спортсменов, идущих на ледяной стадион,

где уже расположился Олимпийский Комитет и был президент Италии. Туда же должен быть принесен Олимпийский огонь из Рима. День был прекрасный. Легкий морозец, море интернациональных знамен и публики. Колонны спортсменов следовали в алфавитном порядке. Поскольку на стадион невозможно было проходить быстро, то, естественно, колонны часто останавливались в пути. А вездесущие репортеры спешили запечатлеть парад. Вот прошли спортсмены Австрии. Серые костюмы, серые полупальто, прекрасный покрой, подчеркивающий фигуры. Вот идут спортсмены западной Германии. Темно голубые полупальто, добротные лыжные ботинки. Красивое зрелище! С нетерпением жду «нашу» команду. Мои мысли далеко, далеко..

... Я учусь в седьмом классе. Мы идем на утреннюю зарядку. Преподаватель физкультуры, бывший чемпион московской области в беге на дальние дистанции, заставит нас пробежать восемь раз вокруг школьного двора! Мы выстроились в колонны, а сбоку шестилетние карапузы топают в детский сад и поют вразнобой: «Стобы тело и дуса были молоды, были молоды, были молоды, ты ни бойси ни зары и ни холода, закаляйси, как сталь!»

Открываю глаза. Публика аплодирует новой колонне. Это команда спортсменов Советского Союза. Пять-шесть голосов, напоминающих хор маленьких октябрят, поют: «Чтобы тело и душа были молоды, были молоды, были молоды, ты не бойся ни жары и ни холода — закаляйся, как сталь!»

Колонна остановилась.

Темносиние, лохматые, как шкура медведя, полупальто и меховые коричневые ушанки. Первая мысль: комитет по делам физкультуры и спорта при Совете министров дал специальный заказ на пошивку олимпийской формы... Форма готова. Тогда

позвали участников и сказали: «А ну, набрасывайтесь, кому что достанется!» Таково было мое впечатление. Почти у всех куртки выглядели, как с «чужого плеча». А разве нельзя было пошить так, как у других спортсменов? Тепло, красиво, удобно...

Я упомянул только об ушанках и куртках, чтобы у читателя не получилось впечатления, что наши спортсмены вышли на парад без брюк... Должен разъяснить, что были и брюки и даже ботинки. Ботинки выглядели примерно так, как у моего отца, когда тот вернулся с первой мировой войны, а брюки... Вместо них были обыкновенные трикотажные штаны, которые у нас зовут тренировочными. Я, конечно, далек от мысли, какнибудь обидеть наших прекрасных спортсменов! Не их вина, что Хрущовская тяжелая индустрия не может сотню человек одеть по человечески, чтобы было, по крайней мере, не хуже чем за границей. А ведь Хрущев собирается соревноваться с капиталистическими странами в мировом масштабе!

Командующий нашими спортсменами, министр Романов (формально Председатель Комитета по делам Физкультуры и спорта при Совете Министров СССР) остался недоволен. Он сказал им: «Держитесь бодрей, ребята! Сейчас будем на стадион выходить! Давайте петь все, как один. Ну, кто будет запевать?» Кто то ответил: А нам все равно! Нас здесь все равно никто не понимает!» Появились улыбки.

Возле меня, облокотившись на перила, стоял инвалид. Одна из наших спортсменок заметила его и сказала подруге: «Видишь, это же инвалид. Он, наверное, тоже с фашистами воевал, подари ему значек!

Та достала из кормана красный металлический флажок, подошла и вдела его в петлицу инвалиду. Спортсмены заулыбались.

Я вспомнил, что еще совсем недавно советские спортивные газеты писали о том, что необходимо

поднять на должную высоту политвоспитание наших спортсменов..

На второй день олимпийских игр состоялось мое первое знакомство с теми из советских граждан, которые не принимали участия в параде. Все произошло так, как очень часто с многими из нас происходило, когда мы были на родине. Вам, скажем, надоело работать в Самаре и вы самовольно оставили завод, переезжаете в Ташкент. В один прекрасный день, где нибудь в кино, или в столовке, к вам подходит симпатичный молодой человек и называя по имени, просит пройти с ним. Вы помните такие случаи? Не правда ли?

Со мной в Картина Д'Ампеццо было немного по другому. Ко мне тоже подошли и тоже назвали по имени. Но они, даже очень вежливо, выразили желание просто со мной поговорить. Так, по душам.

— И не надоело тебе числиться здесь в ПЕРЕМЕЩЕННЫХ? — спросил один из них.

Этот разговор начался на трибуне «Л». За десять минут до окончания хоккейного матча и продолжался еще сорок минут, несмотря на то, что стадион уже давно опустел и все советские спортсмены на специальном автобусе уехали в свой отель «Четыре креста». Моим собеседникам нечего было опасаться взысканий, они занимались здесь совершенно особым видом спорта: охотой на перемещенных лиц, на ДП.

Один из собеседников оказался советским вице-консулом в одной из западно европейских стран. Когда я позже распрощался с ними, он оставил мне свою визитную карточку и предложил в любое время, когда я захочу, встретиться, чтобы поспорить запросто.

О чем же происходил в этот вечер разговор?

— Так скажи честно, по свойски, не надоело

тебе скитаться по заграницам? Давно уже по Европе топаешь.

— Я не топаю, а езжу. Когда поездом, когда на трамвае, когда в автомобиле. А кроме того, я не скитаюсь, а имею постоянное место жительства.

— У нас в Москве ты бы наверно на «Победе» ездил, а сейчас тебя «Форд» возит?

— Так ведь «Форд» и «Победу» вывез! Ведь первые советские машины это же модель Форда?

— Нет, кроме шуток, неужели тебе домой не хочется?

— Это наивный вопрос. Кому же не хочется домой, на родину?

— Вот видишь? Чего же ты здесь сидишь?

— У меня такое впечатление, что Вы считаете меня за октябренка. Ведь я же взрослый человек! Вы наверняка будете мне сейчас рассказывать про амнистию, про Михайловский комитет и скажете, что десятки тысяч уже вернулись. А я не хуже вас знаю, кто вернулся, когда вернулся и почему вернулся. Если на эту тему говорить словами докладчиков, то вы мне так прямо и скажите: если возьмем количество вернувшихся на родину в 1950-м году за сто, то в этом году, в связи с деятельностью товарища Михайлова и под его чутким генеральским руководством, количество возвращенцев увеличалось на двести процентов. Не так ли?

В разговор вмешивается вице-консул:

— Я тебе приведу один пример: В прошлом году один бывший советский гражданин пять месяцев у меня пороги обивал. Десять анкет заполнил, все на родину просился. А я его не пустил! Нет, ты действительно думаешь, что мы каждого зовем? Я тебе расскажу проще. У нас сейчас начинается примерно тоже самое, что во время первой пятилетки. Настоящая боевая работа! Размах строительства будет грандиозным и нам нужны кадры, которые были на

руководящей работе во время первой пятилетки. Сегодняшняя молодежь несколько другая. Ее могут зажечь те, кто на своих плечах вынес первую пятилетку. Нет, нам нужен не каждый! В каждом мы не нуждаемся. Я знаю, у тебя есть опасения, что, дескать будут репрессии, начнут придирааться...

— Но ведь ты же сам сказал, что этот человек в прошлом году десять анкет заполнил. С меня, значит, сто потребуешь?

— Я тебе лучше о другом расскажу. Вот скажи, ты Косарева знаешь?

— Знаю одного, он, кажется, в Германии.

— Нет, ты не шути. Ведь ты же по комсомольской линии работал? Я говорю о бывшем генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ, об Александре Васильевиче Косареве.

— Ну, и?..

— Знаешь ты его?

— Ну, знаю. Так его же шлепнули!

— Ага, вот видишь? Шлепнули, говоришь? И здесь у вас все так думают. А Косарев жив, здоров и крупной работой занимается!...

Признаюсь откровенно, что эту новость я услышал впервые и она на меня произвела некоторое впечатление. Он это понял.

Так вот, твои страхи напрасны! Вот ты насчет амнистии прокатился, а я тебе такой пример приведу. Вот ты, допустим, во время войны был, скажем, комиссаром дивизии. Понимаешь, дивизии! И тебе сам генералиссимус приказал взять неприятельское укрепление. А ты испугался, струсил и из за твоей трусости погибли тысячи... Но ты их своей рукой не расстреливал, они погибли по твоей вине, но от руки врага. Так вот, даже в этом случае тебе ничего не будет, тебя простят...

— Согласен, что в этом случае мне ничего не будет. Ведь по вине того самого генералиссимуса не

тысячи, а миллионы погибли и то ему ничего не было!...

Мы покинули ледяной стадион. Было уже около часа ночи. У всех кончились сигареты. Пришли в кафе. Закурили. Вицеконсул взглянул на «журналистов». Один из них сказал:

— Мне нужно срочно послать телеграмму в редакцию. Я запаздываю.

— Другой жил с ним вместе и, тоже начал прощаться. Но, уходя, сказал мне, указывая на вице-консула:

— А я все таки советую тебе с ним договориться, он все может!

— Журналисты ушли. Мне тоже было пора на ночлег. Я простился с вицеконсулом. Он дал адрес отеля.

— В Кортине я останусь еще только три дня. Заходи в любое время, мы еще поболтаем...

Он ушел. Я решил выпить чашку кофе. Ко мне подошел хозяин кафе.

— Вы давно знакомы с этим господином? спросил он.

— Впервые сегодня встретились.

Хозяин вынул из портмонэ такую же визитную карточку, какую вручил мне вицеконсул, и сказал:

Вот у меня от него подарок имеется. Ко мне часто приходят местные коммунисты, и когда он здесь, то они пьют и закусывают бесплатно...

Когда я уходил, ко мне подскочила кельнерша и стала просить, чтобы я принес ей второй советский значек. Первый ей подарил накануне вицеконсул. Она решила, что я его друг и, наверняка, из Советского Союза. Я пообещал ей значек и принес: я его выменял у одного из наших спортсменов на значек канадских хоккеистов...

К вицеконсулу я, конечно, не пошел.

Мой приятель жил в одном отеле с советскими спортсменами. В отеле 4 креста царила обычная со-

ветско-партийная обстановка. Осторожность и подозрение чувствовались на каждом шагу. Министр Романов позаботился привести с собой собственную кухарку. Но это, я считаю, полбеды. Может быть действительно в спортивных делах своя кухня надежнее... Я хочу рассказать о другом. Ни один из спортсменов не имел права никуда отлучаться в одиночку. Ни один из спортсменов не имел права самостоятельно, даже в свободное от тренировок время покинуть отель. Все по команде. После ужина, в то время, как другие гости этого же отеля смотрели телевизионную программу, советские спортсмены должны были или оставаться в своих комнатах, или быть в специальном зале, где для них демонстрировались советские фильмы.

Вот я, например, сейчас так фантазирую: я — советский гражданин. Меня командировали за границу. Естественно, что мне, в первую очередь, хочется новых впечатлений, хочется многое увидеть, чтобы было, как говорят, о чем рассказать друзьям, родным, знакомым. И вдруг меня приглашают в зал и в тот момент, когда рядом, за перегородкой иностранцы смеются, наблюдая абсолютно беспартийную программу телевидения, меня заставляют смотреть художественную самодеятельность трудовых резервов! В этом случае заграничная поездка превращается для меня в какое-то ярмо и, во всяком случае, не доставляет удовольствия. Так было и с нашими спортсменами. Разве же нужно после этого удивляться, что наши славные парни и девушки подозрительно часто выходили из «кино-зала» в туалетную комнату, чтобы проходя мимо другого зала, хоть мельком взглянуть на экран телевизора и посмотреть заграничную программу?

Советским спортсменам разрешалось в дневные часы, обычно между двумя и шестью часами вечера,

прогуляться по городу. Они могли пойти только группами в три-четыре, редко в два человека.

Я верю, что для самих спортсменов, может быть, эти часы городских прогулок и были приятными. Иностранцам, дышащим свободным воздухом, может быть и не бросается в глаза некоторое отличие советских граждан от других национальностей, но я этим отличием был потрясен...

Мне пришлось встретить одного норвежского спортсмена, у которого все пальто было обшито всевозможными значками, на память о его поездках по земному шару. Он, например, заходил в магазин и искал, чтонибудь интересное, что он еще бы мог пришить к своему пальто. Мне его маскарадный наряд не понравился. Но не в этом дело. Он был один. Никто не мешал ему пошутить с девушкой. Никто не мешал ему зайти в кафе выпить бокал вина или чашку кофе. Никто не мешал ему купить для своей девушки оригинальный платок или туфли. Он чувствовал себя хозяином здесь, в итальянском городке. Он делал, что хотел. Я разговаривал с ним. Спросил его: не вредит ли это его спортивным успехам. Так он, честное слово, счел меня вначале за полумумного. Но когда я убедил его, что я в своем уме, он развел руками и сказал, что у него имеется свой тренер, который устанавливает режим. Но у него еще ни разу не было случая, чтобы тренер заставлял его смотреть те фильмы, которые хочет тренер или норвежский премьер-министр...

А наши?

Ходят, бедняжки, группками и оглядываются, как бы друг друга не потерять. Подойдут к магазину и рассуждают:

— Посмотри, а ведь не плохой фотоаппаратик. У нас такой не достанешь.

Другой отвечает: А ты поди и купи! У тебя лишние лиры есть?

— Да, если ты мне полтора ста лир добавишь, то мы можем на память пачку итальянских сигарет купить.

Единственной «валютой», которой наше правительство снабдило мировых рекордсменов, -- это маленькие красные советские значки. Каждый спортсмен имел их с собой больше сотни. Им их дали для того, чтобы делать, так сказать, коммунистическую пропаганду. Но русская смекалка сказалась и здесь: Наши спортсмены зря значками не разбрасывались. И вот на улицах итальянского городка открылся маленький «товарообмен». Как только наши спортсмены появлялись на улице, их сейчас же обступали десятки болельщиков и туристов, которые хотели иметь советские значки.

И это, я подчеркиваю, чемпионы мира! Их в Советском Союзе знает по именам каждый мальчишка, на них начинающие любители спорта молятся, а тут... они оглядываются по сторонам и чувствуют себя не сынами великой родины, а пасынками...

— Закругляйтесь, ребята, через двадцать минут наша прогулка заканчивается! -- доносится голос одного из них. И группы медленно направляются к автобусу. Там их считают, как считают возвращающихся с прогулки по тюремному двору арестантов. Они усаживаются в автобус и снова едут в отель.

И это в Европе. Это с незапятнанными советскими гражданами, которые высоко подняли спортивное знамя своей родины!

...Что же будет со мной, если я возвращусь?..

Советские туристы в Италии остановились не в самой Кортине, а заняли два отеля в местечке Тобиако, в тридцати клм. от олимпийского городка.

У них был, примерно, такой же порядок, как и у спортсменов: по команде ложись, по команде вставай и обедай, в одиночку нигде не появляйся и т. д. При входе в отель вы всегда можете встретить одного «Дежурного», который следит за всеми входящими-

ми и выходящими, делая какие то отметки в своей записной книжечке.

Не смотря на то, что туристам не было надобности соблюдать спортивный режим, они все же были связаны по рукам и ногам. В их программу входило посещение олимпийских игр в организованном порядке. Единственной свободой являлся выбор видов соревнования. Захотела, допустим, одна группа наблюдать прыжки с трамплина, — ее туда везут под чутким руководством ответственных туристов; захотелось другим в эти же часы посмотреть, скажем, соревнования по Бобслею, их туда тоже везут. Одним словом, каждый имеет право на отдых, но пойти туда, куда захотел бы, может быть, пойти турист по своему желанию, ему никогда не удастся.

Я, например, могу с полной ответственностью перед совестью заявить моим читателям, что советские туристы в Италии чувствовали себя далеко не по туристски.

Приведу несколько примеров:

В первый день соревнований по конькам на пятьсот метров, все туристы приехали на озеро Миссурина. Туда в этот день приехал и я.

Каждый может легко представить, что, находясь на зимнем воздухе под открытым небом, у человека может появиться потребность, скажем, выпить чашку кофе, позавтракать или просто в перерывах немного прогуляться по окрестностям, чтобы познакомиться с прекрасной горной природой знаменитых итальянских Доломитов. Я, например, так и делал. Когда не выступали советские спортсмены, я просто уходил в ресторан и пил пиво. Ведь нужно быть сверхрекордистом, чтобы каждый день по пять - шесть часов мерзнуть на морозе, не смея подняться со своего места.

Когда закончились соревнования, я вышел из ресторана, чтобы сесть в автобус, но, так как народу

было слишком много, а автобусов слишком мало, то, естественно публике пришлось долго ждать, прежде чем уехать домой. Находясь на пути к автобусной остановке, я вдруг услышал русские голоса двух девушек. Одна из них говорит другой:

«Ну, не задерживайся, не задерживайся, начальство будет ругаться.»

Возле автобусной остановки, позади меня, скопились все советские туристы, ожидающие посадки. Я сразу мысленно посочувствовал нашим туристкам. У них, оказывается, есть начальство, которое им даже не запретило сходить в туалетную комнату, но только потребовало, что бы они там не задерживались. Разве же это не подлинно народная демократия?

Через несколько минут здесь же на остановке разыгрался забавный случай. Я вместе с случайными итальянскими болельщиками болтал, дожидаясь прибытия автобуса. Туристы советские видимо считали, что здесь, кроме них, нет ни одного понимающего по русски и громко разговаривали. Одна из женщин, например говорит: «А я вам скажу, что мы сегодня тоже мировой рекорд установим. В восемь часов утра из дому выехали и не известно когда вернемся.

Мужчина-турист говорит: У меня есть новаторское предложение: Отсюда до станции Миссурина пять километров. Если мы протопаем пешком, то там можем сесть на поезд и, может быть, часа через три будем дома.

Остальные, конечно подняли его на смех. Кому же взбрет в голову пять километров карабкаться по снежным горам?

Но вдруг одна из туристок говорит: А знаете что товарищи, я говорю без шуток. Если бы мне сейчас пожрать дали, то я бы рискнула пять километров топтать.

Она, по моему, действительно сказала правду. Дело в том, что туристы питаются только в своем отеле,

а находиться шесть-семь часов на морозном воздухе без горячего чая, вообще голодным, удовольствие не из приятных.

И так с ними было каждый день.

Когда я услышал голос женщины, которой очень хотелось покушать, то невольно обернулся, чтобы взглянуть на нее.

Мой взгляд, видимо, был замечен, потому что я сейчас же услышал позади себя громкий полусшепот: Честное слово, девочки, это русский. Она сказала это таким тоном, как будто предупреждала о появлении на улицах, убежавшего из зверинца тигра. Я чуть-чуть разозлился и резко повернувшись, сказал: А вы думали, что я тигр и могу вас растерзать? Девушка полуиспуганно, полусмущенно, как семиклассница, сказала: Нет, что вы, я ничего, я не думала, что вы?...

В это время с другого боку разговаривали два туриста. Один из них указывая на киоск с шоколадом предлагал приятелю купить по плитке. Тот спрашивает: А зачем он тебе? Другой говорит: С собой заберем, на память. Затем, купивший шоколад, громко сказал женщинам: А вы не хотите шоколадом подзаправиться? И вдруг я слышу голос той самой туристки, которой еще несколько минут перед этим так хотелось покушать: Подумаешь, шоколад! Ты думаешь, что мы никогда шоколада не ели?

Этот ответ был явно рассчитан на меня, но я больше не реагировал. Но зато о моем присутствии, видимо, было доложено начальству, так как возле меня очутились три туриста, которые болтали между собой с явным намерением втянуть в разговор меня. Из киоска непрерывно кричал продавец: Прекрасный шоколад, три плитки 300 лир, только сегодня, рекламная распродажа. Он повторял эти слова как попугай, непрерывно. Я не выдержал и сказал вслух: Я бы ему пятьсот лир заплатил, только бы он перестал кричать до тех пор, пока я уеду.

Соседи улыбнулись и один из них сразу же спросил:

— А вы откуда?

— Из Москвы, — ответил я.

— Давно здесь?

— Да уже порядочно.

— Из перемещенных?

— Нет, из переехавших.

Собеседники переглянулись между собой. Один из них слегка прищурившись спросил полушутя-полусерьезно: Вы может быть имеете рыльце в пушку?

Я сделал серьезное лицо, как будто о чем то вспоминал. Мне очень хотелось сказать ему чтонибудь такое неожиданное, чтобы и остальным туристам было интересно послушать. Мне в то же время не хотелось, чтобы они обо мне плохо думали. Наконец я ляпнул: Честно говоря, я имею очень темное прошлое и являюсь большим преступником перед трудящимся. Все туристы насторожились, а я спокойно с серьезной физиономией раз'яснил: Дело в том, что я в гражданскую войну был ответственным донецким у Деникина и собственноручно из пулемета МАКСИМ расстрелял в 1920 году 25.000 рабочих с шарикоподшипникового завода имени Кагановича.

Туристы захохотали. Мне удалось, кажется, удачно ответить.

А когда подошел автобус и я начал в него карабкаться, со всех сторон защелкали фотокамеры туристов. Может быть ктонибудь из них привезет с собой в Москву новый иллюстрированный анекдот о врагах народа, проживающих за границей, думал я, от'езжая в свой отель.

Туристы довольно частенько появлялись на улицах Кортины группами по два, по три человека. Они фотографировали витрины магазинов, Стадион и прочие достопримечательности итальянского городка.

Проходя по улицам в эти часы можно было частенько слушать открывки из разговоров. Например: «Я

себе решила безделушек не покупать. Как только перед отъездом свои карманные деньги за все время получу, то обязательно меховое пальто куплю. Я уже все подсчитала.»

Другая говорит: «Если бы они сделали так, как мы хотели, то у нас было бы по тридцать тысяч лир в кармане, а на эти деньги можно было бы купить примерно столько же, как у нас на две тысячи рублей.»

Один турист спрашивает у другого: А где ты эти ботиночки отхватил?

— В Алма-Ате, по случаю.

— На кожаной подошве?

— Ну, конечно. Я их уже полгода таскаю, еще ни разу в ремонте не были.

Третий турист заходит в аптеку. Он спрашивает по немецки таблетки от простуды. Ему дают. — Сколько стоит?

— Двести лир, отвечает продавец.

— Будьте добры, дайте мне половину.

Продавец разъясняет, что он не может баночку с таблетками разорвать напополам. У туриста внутренняя борьба. Продавщик его, видимо, понимает, он берет рассыпные таблетки и отпускает советскому гражданину на сто лир, желая скорейшего выздоровления от простуды.

На ледяном стадионе происходила хоккейная игра между командами Советского Союза и Чехословакией. Вначале она была равной и было заметно, что и наши болельщики нервничают. Но вот наступил перелом. В одном из перерывов меня встречает один из старых знакомых. Тот самый, который пару дней назад спешил проститься, чтобы послать телеграмму в Москву.

— Ну как живем?

— Спасибо, как всегда.

Пойдем к нам на трибуну, я тебя сейчас с Синявским познакомлю, с Кассилем, с Кирсановым. А Ми-

халкова ты уже видал? Это самый здоровый турист во всей Кортине. Пойдем!

Мы пошли на трибуну журналистов. Синявский, знаменитый советский спортивный репортер, сидел в своей телефонной будке и что то усиленно записывал на различных листочках бумаги. Мой провожатый сказал, — у него горячая работа. Пошли сюда. Мы направились вдоль трибуны. Подошли к советским писателям. Лев Кассиль, напялив на лоб свою котиковую шапку, казалось вовсе не думал о спорте, а решал какую то сложную загадку. Кирсанов разговаривал с Каверинным. Для того, чтобы подойти к ним, нужно было обойти два ряда трибуны, так как они сидели на первом.

На третьем ряду сидели только два советских журналиста. Проходя мимо них, мой провожатый им поклонился. — Куда? спросил один из незнакомцев.

— Да вот хочу товарища Пылаева с нашими писателями познакомить.

— Еще успеешь. Сейчас самая интересная игра начинается. Присаживайся к нам, после с писателями поговоришь.

Они дали мне место между собой.

И, вполне понятно, что эти последние двадцать минут, спортивная борьба на ледяном поле была для нас только громоотводом. Сразу же посыпались вопросы, похожие на невинный перекрестный допрос. Игра окончилась. Но где же писатели? Один из моих соседей сказал, что они любят рано ложиться спать и помчались к автобусу.

— Ну, чтоже, пойдём по стопке выпьем, или ты боишься своего начальства? Я ответил: «Окуда у вас такое понятие о начальстве. Я уже несколько раз об этом слышу. Для того, чтобы я с кем-нибудь разговаривал или выпивал, для меня начальства не существует. Здесь каждый себе начальник.»

— А деньги у кого получаешь?

— У кассира того учреждения, в котором работаю.
А вы?

— Мы тоже. Значит, пошли?

Было около часа ночи. Мы зашли в одно из кафе, которое почти уже закрывалось. Подошел кельнер. Я сразу же начал с ним говорить по немецки. Есть у вас чтонибудь выпить, кроме вина. Меня перебил «журналист»: «Коньяк», — сказал он.

— И кока кола, — добавил я.

— По русски, значит пить уже отвык? — поддел меня собеседник.

— Да ведь даже у нас на родине существует пословица: На вкус и цвет товарищей нет, — ответил я.

На столе появился коньяк. Не сводя с меня глаз, как будто желая запомнить мое лицо, один из них, видимо, чином постарше, предложил выпить за родину и тут же добавил: «Или не хочешь?»

— Почему же нет? С удовольствием.»

Мы подняли рюмки. Я быстро поднялся и подошел к буфету. — А что у вас вон в той бутылке? — спросил я. — Это итальянский шнапс, — ответил кельнер.

— Тогда дайте мне лучше его. И я оставил коньяк на стойке. Возвратившись к столу, я сел и не говоря ни слова, выпил, даже не запивая кока колой.

— Эх, и хитрым же ты хочешь быть, дорогой приятель. Боишься, что мы тебя отравим? И они засмеялись.

Я ответил: Вы меня неправильно поняли. Я не боюсь, но показываю, как меня когда-то научили, что с вами нужно быть осторожным.

— Дальше началась игра на моем самолюбии. Каждый вопрос с их стороны был рассчитан на то, чтобы задеть мое внутреннее я.

— Значит, ты настолько злой на свою родину, что начинаешь на нее всякую грязь лить?

— Это вранье. Я ни разу за все годы пребывания в

эмиграции ничего не сделал и не сказал против родины.

— Ну, скажи нам откровенно, какую же цель имеет ваша пропаганда, против кого вы выступаете?

— По моему это наивный вопрос. Мы выступаем против режима, а не против родины и народа. Да разве же это вообще правильно, когда никто там, на родине, не может слова сказать против многих вопиющих безобразий, которые имели место на протяжении всех лет со дня зарождения советской власти. Ну, хорошо, вы считаете, что Хрущев и Булганин не ошибаются, а мы считаем, что они многое, почти все делают не так, как хотел бы народ. Делаю ли я преступление если говорю против Хрущева, защищая народ?

— Нет, почему же? Честно говорить это не преступление, но вы занимаетесь «провокациями».

— Какими?

— Вот, например, позавчера в отель к нашим спортсменам приехали какие-то молодчики с девушками и предлагают нашим ребятам, чтобы они поехали с ними прогуляться. Ведь это же дешевая провокация? Не правда ли?

— Да, но при чем здесь я?

— А твои приятели?

— Мои коллеги здесь тоже не причем. Мы занимаемся своим делом и никаких провокаций и интриг не делаем. Моя совесть в этом вопросе чиста.

— Но уж если ты настаиваешь, что ты честен, так скажи нам, кто эти молодчики?

— Другой добавил: «Ведь ты мог бы об этом узнать.»

— Вы что же, решили меня зачислить в школу провокаторов или ваших разведчиков?

Собеседник полез в карман и достал удостоверение:

Вот пожалуйста, читай, кто я и что я!

Я ответил: «Ну, знаешь, приятель, у меня в карма-

не не хуже твоей липа имеется. Это очень дешевое доказательство. Давайте лучше друг другу не доказывать, кто мы и что мы.»

— А почему ты боишься назвать свою настоящую фамилию? Ну, ту, которая у тебя была на родине?

— А вы ее знаете?

— Да если захотим, то узнаем.

— Ну и какая же польза вам будет от этого? Вот у меня один знакомый имеется. Фамилия его Коваленко. Генерал Михайлов недавно всю его родню к микрофону подвел, чтобы ему настроение испортить.

— Ну и что же из этого вышло?

— Да что вышло. Коваленко, конечно, расстроился, целый литр водки выпил, со злости на Михайлова. Генерал-то возможно подумал что с помощью, на этот раз, по настоящему провокационных методов, он заставит людей вернуться домой, но ведь это же в одинаковой степени наивно и преступно. Ну вот вы узнаете мою фамилию, разыщите родных, приведете к микрофону, а дальше? Дальше я даю сообразительство выпить не литр, а может быть два литра, а Михайлов останется для меня на всю жизнь негодяем и провокатором. Вот и все.

Собеседники задумались. Потом один из них сказал:

— Так ты думаешь Михайлов не прав?

— Я вам так скажу: Возвращение на родину это проблема и она никогда полностью не разрешится с помощью арапских штучек.

Подошел кельнер и сказал, что кафе закрывается. Мы поднялись, чтобы выйти.

— Ну, что ж, может быть завтра встретимся?

— Может быть

— Да ведь ты своего начальства побоишься.

— Хотите ворье, хотите нет, но начальства я не боялся и не побоюсь, моей совести, может-быть, да.

— Мы будем ждать тебя завтра, в десять часов утра.

Завтра я не пришел.

Между тем олимпийские игры подходили к концу. Освободившиеся от спортивных соревнований наши спортсмены начали пытаться заняться личными заботами. Один из спортсменов захватил с собой из Москвы патефонные пластинки, чтобы здесь их обменять на западные. Он охотно отдавал любую песенку, сработанную на Апреловской фабрике в обмен на фокстрот, танго или румбу.

Ему удалось достать «ИСТАМБУЛ», «Семь одиноких дней», «Самбо», «Папа танцует мамбо» и многие другие.

Он, кажется, остался доволен своими новыми пластинками, ведь их в Москве или совсем не достанешь или достанешь только за бешенную цену из под полы. Другой постарался купить фотобумаги заграничного качества. «У нас с бумагой очень плоховато», — скромно сказал он. Многие, к сожалению, кроме открыток с видами Кортины и пачки итальянских папирос или спичек не могли ничего с собой захватить.

Я, конечно, не верю в то, что наши спортсмены не имели денег.

Вопрос был не в деньгах, а в том, что свои деньги и командировочные они получали только на родине, за время же пребывания за границей им выдавали на самые необходимые нужды.

Почему такие ограничения? Причем, я утверждаю, что это касалось только наших спортсменов! Я себе так ответил на этот вопрос: При наличии денег многое может случиться. Во-первых, советские граждане могут купить много «ненужного», что явится наглядной пропагандой не в пользу Советского Союза. Затем, с деньгами доступ открыт везде и повсюду. Советские граждане начали бы посещать кафэ и рестораны, а там невольно возникнут знакомства, появятся правильные представления о жизни трудящихся на Западе

и тогда вера в будущий коммунизм потеряна для них навсегда. Я уже не говорю о том, что могут найтись и такие, которые вообще предпочтут остаться на «Гнилом» Западе, вместо того, чтобы снова ехать в «здоровый рай».

Невольно наводят на определенные мысли и другие факты. Многие «гражданские» лица из среды советской спортивной делегации имели полное право ходить, куда им было угодно, подходить к каждому, к которому они хотели, разговаривать на любую тему.

В чем же дело? Почему советские граждане делятся на две категории? Одним можно все, другим только завоевание спортивных рекордов?

Одни — хозяева, другие — подчиненные, одни начальники, — другие, просто — туристы. Я, например, вполне уверен, что будучи в Советском Союзе тот же Лев Кассиль, Михалков или Каверин, мог бы спокойно, скажем, позавтракать в Москве, а пообедать в Крыму. Для этого у него на родине нашлись бы и деньги и возможности. А здесь они приходили, допустим, на стадион в три часа после обеда и оставались до конца соревнований, примерно, до 12-ти ночи. И никто из них даже ни разу не появился возле буфета?

Мне лично, зная хорошо советскую действительность и условия жизни на Западе, все эти факты являются очень и очень подозрительными. Какую же свободу мне могут гарантировать в Советском Союзе, если у меня сразу появятся начальники и надсмотрщики, если с первых же шагов меня окружают сотрудники МВД и анкеты, анкеты, анкеты!

Здесь я живу уже не первый год и еще ни разу ни перед кем не отчитывался ни в моих желаниях, ни в моих намерениях, ни в моих убеждениях, ни в моих чувствах. Ведь самое маленькое ограничение всех этих свобод явится для меня настоящей пыткой.

Конечно, может сразу же возникнуть вопрос, а все ли здесь на Западе мне нравится? Отвечу честно: Нет,

далеко не все. Много не нравится. Но здесь, по крайней мере, я не должен, вопреки своим мыслям и убеждениям, делать то, чего я не хочу, что мне безмерно тяжело, что мне не позволяет, скажем, мое здоровье и так далее и тому подобное. А там? На родине? Вот я прочитал материалы Двадцатого съезда. И что же? Снова, как прежде — работа, работа, работа. Тяжелая и изнурительная и не там, где бы я хотел, а там, куда пошлют, где прикажут. Сталин, который был единым и неделимым хозяином на Родине, вдруг оказывается почти бездарностью, а его ближайшие друзья и соратники только после его смерти и то через три года осмелились вслух сказать, что боялись его, как огня, но не могли ничего сделать.

Где, откуда у меня появится вера в то, что на моей родине в этих условиях взаимоуничтожения вождей вождями, может вдруг, ни с того, ни с сего появиться, ну, не подлинная, но, по крайней мере, такая же свобода, как здесь на Западе?

Да я строил первую пятилетку! Да я в свое время верил в Сталина, верил в партию, но ведь я же нормальный человек, я слишком хорошо понял, что многое было в их деятельности преступным и бесчеловечным. Даже миллионы простых трудящихся это давно поняли.

Вот сейчас говорят о коллективном руководстве. А сколько умнейших голов партийных и беспартийных было уничтожено Сталиным при молчаливом согласии нынешних руководителей.

Вот Микоян, например, с трибуны Двадцатого съезда назвал товарищами расстрелянных Антонова Овсеенко и Коссиора.

Я вспоминаю, как много лет тому назад брата Коссиора за троцкизм из ссылки кинули в концлагерь. Я часто бывал в его землянке. Я видел его библиотеку, в которой на первом месте стояли томы Ленина.

Он был фанатическим приверженцем Ленина. Это же так легко было понять. И таких как он, были десятки тысяч. И вдруг от вас, нынешние руководители партии и правительства, пришел приказ детей от них отобрать (может-быть они сейчас уже окончили коммунистические академии и воодушевляются вашими решениями о коммунизме), стариков послать на работу в шахту или оставить в лазаретах умирать от цынги, ваших коллективных соратников еще по подпольной работе и по гражданской войне расстрелять в снежной тундре из пулемета.

Ведь это же голый, страшный факт, который даже вы не можете сейчас отрицать, товарищи коллективные вожди.

Ведь у меня еще до сих пор в ушах звенят слова бывшего члена правительства и бывшего Наркома Здравоохранения, ныне покойного, Н. А. Семашко, который мне сказал: Вы способный молодой челоюек. Делайте карьеру, служите Сталину, потому, что другого выхода у вас нет, а главное — учитесь молчать. Мы живем в историческую эпоху, в страшную эпоху.

Так учил меня ваш бывший соратник. Я не имею право и не осмелюсь сказать, чтобы Семашко был менее умным и образованным, чем любой из сегодняшнего коллективного руководства. И, наконец, кто из советских граждан моего поколения может сказать, что он жил и строил коммунизм не напрасно? Меня учат поклоняться одному вождю, следовать за ним, кричать ему, как попугай каждый день ДА ЗДРАВСТВУЕТ, потом его или развенчивают или расстреливают. На смену одному приходит другой. Меня учат хвалить и поклоняться другому и проклинать предыдущего. Где же идеал в жизни, где же беспредельная вера в непогрешимость и твердость идей наших руководителей? Ничего подобного я не видел и не вижу сейчас.

Вот говорят, что нас ждет родина. А я хотел бы знать, почему вдруг родине, в лице коллективного руководства мы так понадобились? Я попытаюсь фантазировать: Может быть действительно партия и правительство болеют за нашу судьбу, может быть они действительно хотят подарить нам лучшую жизнь и будущее на родине. Допустим, что так. Так почему же эта Михайловская акция зазывания бывших советских граждан на родину ведется не честно и грязно?

Почему за мной, вдруг начинают следить?

Я уже строил коммунизм, но никакими плодами не воспользовался, а только потерял юность и молодость в постоянных скитаниях, в погоне за призрачным счастьем.

Значем же меня зовут сейчас? Чтобы снова обманывать и себя и других сказками о счастливом завтрашнем дне? А где он для меня приготовлен этот «счастливый завтрашний день»? я позволю себе спросить: На Алтае, на Воркуте, на Анадыре?

Покидать и возвращаться на родину можно только один раз. И вот, когда меня спрашивают открыто, прямо и честно, хочу-ли я возвратиться на родину, я отвечаю спокойно, твердо, уверенно: Да, я хочу. Но одно дело хотеть и другое дело осуществить свое хотение. Хотеть можно годы, десятилетия, всю жизнь. Даже уже в этом желании горит любовь к родине, так зачем же ее насиловать с помощью дешевых пропагандных трюков?

Как я уже сказал, из Кортины я вернулся вначале февраля, после чего узнал об обращении ко мне советской гражданки Олейник-Упитис.

Вспомнил свои олимпийские впечатления, посочувствовал даже неблагодарной работке Берлинского Комитета За возвращение на Родину, но Берлинский Комитет, видимо моего сочувствия не оценил.

Совсем недавно ко мне на квартиру явился «посол» из Киева. В руке у него был список моих знакомых. Меня, правда, дома небыло. Но он, вероятно, даже желал моего отсутствия и даже знал о том, что меня нет.

Мои немецкие соседи не могли ему дать никаких ответов на вопросы, касающиеся моего желания или нежелания возвратиться на родину. На клочке бумаги он оставил имя моей знакомой, уехавшей на родину.

Его, этого посетителя, так же интересовали условия моей жизни, квартира, средства передвижения, часы возвращения с работы и т. п.

Ну, зачем все это, спросил бы я опять у представителей Берлинского комитета.

Зачем вам понадобилась эта «психическая атака» на перемещенных? Зачем святые чувства любви к родине и к своему народу вы превращаете в темную политическую авантюру?

Я и вместе со мной сотни тысяч русских людей, проживающие за границей, отлично знают, что нас ждет не Родина, а коммунистический режим! Нужны ли мы ему для того, чтобы нам там создали земной рай с молочными реками и кисельными берегами?

Нет, для этой цели он нас не зовет. Ему, коммунистическому режиму, нужно и крайне нужно только одно: Чтобы мы не были здесь, на Западе. Сотни тысяч перемещенных лиц вернутся на родину только тогда, когда жизнь и свобода советских граждан будет вызывать у нас везде и повсюду — в Алтае, на Воркуте, на олимпийских играх и в туристских путешествиях за границей — простую человеческую зависть. Но все предыдущие годы и сегодня мы нашим землякам не завидуем, а горячо сочувствуем!

А родине, моей горячо любимой родине, я отвечу без Михайлова, словами Симоновских стихов:

**Жди меня и я вернусь,
Только очень жди!**

Druck. A. Metreweli, München 13, Franz-Josephstr. 43